

Художник и жизнь

ВЫСОКОЕ СЛУЖЕНИЕ

ГОВОРЯТ, человек должен посадить и вырастить за свою жизнь хотя бы одно деревце... Если вы приедете в Киев и окажетесь на киностудии, вам обязательно покажут целый сад — его до сих пор любовно называют «довженковским». Александр Петрович Довженко всю жизнь стремился к такому искусству, которое способно было бы украсить жизнь, возвысить душу. Своими фильмами, звучными, мажорными и чистыми по краскам, Довженко, как и его прославленные современники — Сергей Эйзенштейн, Всеволод Пудовкин, братья Васильевы, Дэига Вертов, — взрастил в душах не одного поколения советских людей, если так можно выразиться, сад любви к нашему Отечеству, любви к человеку труда и защитнику Отечества.

Он требовал яркости и чистоты красок от актеров, готовящихся воскресать на экране революционную эпоху, нашу современность. Он был бесконечно требователен к себе. И требовал такой же взыскательности, чувства ответственности за порученное дело от других.

Никогда не забуду такой эпизод. Я слушал его лекции у нас во ВГИКе. Однажды, войдя в аудиторию, Александр Петрович поздоровался, потом подошел к ролю, вынул чистый платок, провел им по крышке и показал — на платке остался слой пыли. «Вот эта грязь, — сказал он, — проникает и на экран». И ушел...

Преувеличение? Наверное. Но вдумайтесь в это — и вы почувствуете нравственный максимализм большого художника, для которого ощущение красоты и поэзии окружающей жизни было определяющим, главным в его мировосприятии. И он имел право на такую пристрастность своих оценок, на повышенную строгость при всей своей доброжелательности и душевной щедрости. Не раз я убеждался потом, что такие черты свойственны именно крупным личностям в искусстве.

Помню выступление Александра Петровича на Втором Всесоюзном съезде советских писателей в 1954 году. Он вдохновенно говорил о Сергее Эйзенштейне: «Эйзенштейн живет в мировом киноискусстве «Броненосцем «Потемкин», составившим в свое время славу русского советского киноискусства». А спустя четыре года по итогам опроса ста крупнейших кинокритиков и киноведов всех стран, «Броненосец «Потемкин» возглавил список лучших фильмов всех времен и народов. В этом же списке двенадцати шедевров кино была и «Земля» Довженко. Сама революционная эпоха, гуманистические идеалы которой вдохновили художников на настоящий творческий подвиг, дала им крылья для взлета, выдвинула этих молодых мастеров в

авангард мирового киноискусства. Поставила рядом с великим Горьким тогда молодых еще Шолохова, Островского, Леонова, Федина, Вс. Иванова и многих, чьи имена составляют ныне гордость советской литературы, ее мировую славу. Так было во всех родах и видах искусства.

Молодость и революция — для нас понятия нераздельные. Желание постичь и отобразить в немеркнущих образах величие идей нового, нарождающегося мира, масштаб человеческих деяний и борьбы, наконец, формирующийся характер советского человека — все это и возвышало молодых художников, вызвало к жизни крупные замыслы и художественные открытия.

ДАВНО замечено: масштаб замысла, идейно-художественной концепции и высокий накал чувств определяют эмоциональную заразительность произведения. Никогда еще мелко-темные или пусть даже самое скрупулезное психологическое исследование мелких, ничтожных страстей «героя» не порождало крупных художников. Даже «маленький человек» в русской литературе на поверку никогда не был «маленьким» — через него великие художники-реалисты прошлого ставили вопросы огромной общественной важности, непреходящего значения. Непросто, порой мучительно, в сложнейших социально-нравственных и философских раздумьях они всегда искали ответ на главный вопрос: «Чем живет человек?».

В связи с этим мне вспоминается еще один пример. Я снялся у Довженко всего лишь в одной картине «Мичурин» в эпизодической роли Уральца, как принято было говорить тогда, «простого» человека, селекционера, который приезжает к Мичурину, чтобы познакомиться с методами работы ученого. Сняли меня крупным планом — три-четыре метра — единственный раз в фильме. Поставили свет. Я собрался, сосредоточился, жду указаний режиссера. А указаний нет. Я спросил: «Александр Петрович, а все-таки что я должен здесь сыграть?» Не сразу он ответил. Посмотрел на меня, вокруг, в камеру заглянул и лишь тогда, уже торжественно, не бытово, а как будто величайшее задание давал, сказал: «Вы должны сейчас сыграть отношение простого человека к науке».

Как же актеру сыграть такое? Какие надо найти в себе душевные силы, какие чувства, чтобы заговорили глаза моего героя? Мне даже показало, что это уже не режиссура, а какой-то синтез необыкновенных свойств самого Довженко — литератора, кинематографиста, человека. Какой удивительный смысл он вложил в один только мой «крупный план»! Не потому ли каждый кадр у него в

Сергей БОНДАРЧУК,
народный артист СССР,
лауреат Ленинской премии

фильме так предельно емко, так художественно завершен? Не потому ли так все самобытно и неповторимо в его «Земле», нет в ней расхожих «крупешника» и «середняка» (как часто мы слышим еще эти слова на съемочной площадке), здесь удивительная гармония содержания и формы и такая художественная целостность, что кажется, это уже творение не художника, а природы, жизни. Помоему, это высшее проявление творческого гения!

Убежден, что в подлинном искусстве, где каждая мысль не декларируется, а предстает эмоционально пережитой, не может быть «общих» мест, не может быть «пустых кадров», не согретых горячим чувством художника, не связанных со «сверх-сверхзадачей», как любил говорить Станиславский, которую ставят перед искусством жизнь и время.

В своем докладе «Дело всей партии» на Всесоюзном совещании идеологических работников М. А. Суслов подчеркивал: «Партия всегда рассматривала идейность и художественность произведений нашей литературы и искусства в неразрывной связи, как единый критерий оценки их достоинства».

Этот единый критерий выдвигнут всей нашей жизнью, задачами коммунистического строительства, самой практикой советского искусства. Существует живая преемственная связь между тем, что свершили в искусстве наши великие предшественники, и тем, что создают сегодня новые поколения советских художников. Мы не только наследники революционных традиций мастеров, составивших славу искусства нашей страны, мы их продолжатели, ведущие самостоятельный творческий поиск «ростков нового» в кипучей и созидательной жизни народа. Мы — первооткрыватели, ибо тот жизненный, человеческий материал, который ныне предстает перед художником, открывается, постигается искусством впервые. И потому предъявляет художнику всевозрастающие требования неустанного поиска художественного обобщения, свежих, ярких и чистых красок. Без этого не может быть художественных открытий. И здесь опыт, заветы, уроки наших учителей в искусстве мне кажутся поистине бесценными.

С БОЛЬШИМИ надеждами мы смотрим на уверенно вступающую в искусство талантливую молодежь. Сегодня она, как никогда ранее, быстро обретает крылья для полета. Процесс этот широкий и повсеместный, в кино он не ограничивает-

ся только «рамками» центральных студий, а охватывает все наши республиканские студии, в которых вчерашние молодые нередко занимают уже ключевые позиции, становятся признанными мастерами. А рядом уже подрастает совсем новое поколение ищущих режиссеров — Никита Михалков, Вадим Абдрашитов, Динара Асанова, Алексей Герман, Нодар Мацагидзе, Родион Нахапетов, Сергей Никоненко, Никита Хубов, Михаил Ильенко, Владимир Грамматиков, Лиана Элиава. Думаю, немало новых имен режиссеров, актеров, сценаристов и операторов назовет нам и Первый Всесоюзный кинофестиваль молодых режиссеров, который скоро откроется в Киеве.

В наш кинематограф приходит поколение, опирающееся на опыт предшествующих мастеров, но при этом стремящееся к обретению самобытного голоса. Иногда это стремление становится даже самодовольным, превращается чуть ли не в главную цель творчества. Конечно же, это болезнь роста. И чем быстрее молодой художник поймет, что главное не это, а постижение, отображение мира, жизни человеческого духа, тем скорее он придет к непреходящим художественным ценностям, тем скорее обретет он себя как мастер. А путь этого обретения лежит только через познание умом и сердцем жизни, героического и созидательного подвига народа.

Глобальность тематики и актуальность поставленных проблем характерны для лучших картин молодых. И темы революции, Отечественной войны, темы героического прошлого и настоящего, жизни страны и жизни человека, его высокие и новые нравственные ценностей — главные темы творчества молодых. Причем темы эти предстают на экране глубоко прочувствованными, поэтически осмысленными. Вдумаемся в этот факт: он показывает политическую зрелость и нравственную высоту нашей творческой молодежи.

Приведу в связи с этим совсем свежий пример. Для своего режиссерского дебюта известный киноактер Иван Миколайчук выбрал экранизацию романа Василия Земляка «Лебединая стая», воскрешающего драматические события в небольшом селе Вавилон, которые развернулись вскоре после окончания гражданской войны, после изгнания националистических банд с украинской земли. Высокого класса литература, живописный язык писателя, ярко очерченные и глубоко народные характеры, классово определенные драматические конфликты, связанные с первыми шагами коллективизации, — все это определило, на мой взгляд, успех первой ленты режиссера, названной им «Вави-

лон-XX». Он стремится решить сложную политическую тему, образы борцов за народное счастье в героико-романтическом ключе поэтического кинематографа. Мне не хочется говорить о том, что в ленте этой есть и недостатки, важно не это, а то, что И. Миколайчук нашел для своей картины свежие и чистые краски, созвучные замечательной прозе Василия Земляка, что снимал фильм, опираясь на доженковские традиции со страстью и великой любовью к революции, к людям, которые боролись за утверждение Советской власти. Важно и то, что замысел И. Миколайчука простирается дальше: сегодня он мечтает о продолжении «Вавилона-XX», об экранизации другого романа Василия Земляка — «Зеленые мельницы», где прослеживаются дальнейшие судьбы тех же героев. Можно сказать, кинематограф открывает нам еще одно имя художника...

ДУМАЯ о новом пополнении в нашем искусстве, о тонком и сложном процессе формирования настоящего художника, я вспоминаю и заветы, уроки великих корифеев, их беззаветное служение Отчизне, народу. Одна, но пламенная страсть владела ими, помогала создавать шедевры, рассказывающие всему свету о новом мире, которого до того не знало человечество. Я думаю о ленинских заветах, о заботе партии, о будущем нашего искусства. Партия призывает нас к дальнейшему совершенствованию «идейно-политического воспитания и марксистско-ленинского образования художественной интеллигенции», она призывает творческие союзы «способствовать всемерному расширению идейного кругозора, повышению мастерства художника, концентрации его внимания на общественно значимых проблемах».

Да, искусство требует высокого служения. Оно не прощает расчетливости, душевной скарденности, претенциозности, самолюбования и самоуспокоенности. Искусство — всегда поиск, требующий от художника высочайшей концентрации его духовных, нравственных сил, проявления его гражданской сущности, общественной активности и мощи его таланта. Тем более это справедливо по отношению к нашему искусству, призванному быть не только летописцем времени, героического созидательного подвига народа, но и активной силой, преобразующей человека, формирующей в нем лучшие качества. Только так можно стать настоящим художником Страны Советов, ее поэтом.

Только так можно стать художником, в сердце которого — одна, но пламенная страсть: святой и негасимый пламень любви к социалистической Родине.